

Анатолий Чистяков

НОВЫЕ ЛЕГЕНДЫ
ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Анатолий Чистяков

Новые легенды царской семьи

«Издательские решения»

Чистяков А. Н.

Новые легенды царской семьи / А. Н. Чистяков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831667-8

Санкт-Петербург славится своими легендами и мистическими историями, которые неразрывно соединяются с его повседневной жизнью. Герой книги рассказывает свою невероятную историю спасшегося наследника императора Николая II. Удивительно точные бытовые детали придают повествованию правдоподобие и усиливают остроту впечатлений. Но еще более удивительна многовековая история фамилии героя, который, по мнению историков, оказывается в родстве с византийскими императорами и ханами Золотой Орды.

ISBN 978-5-44-831667-8

© Чистяков А. Н.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Наследник русского престола	11
Пролог	11
Часть первая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Новые легенды царской семьи

Анатолий Николаевич Чистяков

© Анатолий Николаевич Чистяков, 2016

© Анатолий Николаевич Чистяков, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4483-1667-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Документальная проза и научно-популярная литература всегда пользовались спросом у читателей и служили понятным дополнением к строгой науке. Нередко они становились основой для альтернативных научных построений, как это было с Троей Шлимана. В соответствии с современной модой такие произведения получили красивое название «Нон-фикшн». В этом стиле отметились и корифеи литературы – Валентин Катаев, Александр Солженицын, Варлам Шаламов, Тургенев, Пришвин, Бианки и множество других. Даже Гамлет Шекспира можно отнести к этой группе.

Толчком к созданию этой книги стали записки автора-любителя, который считал их автобиографическими. В таком случае его следует считать прямым потомком последнего Российского Императора Николая II.

Конечно, первой реакцией после знакомства с рукописью было полное недоверие. Постепенно по мере продолжения чтения история стала наполняться мелкими бытовыми деталями, особую точность которых сполна могут оценить только люди, проживавшие в то же время и в том же месте, которое описал автор. В итоге на фоне абсолютно невероятных крупных событий точные бытовые детали сложились в достоверное культурное пространство, обладающее свойствами исторического документа. Поэтому стало любопытно покопаться в других исторических документах – поискать другие следы героев повести.

Таким образом, получилась книга из двух довольно сильно различающихся по стилю частей. В первой идет живописный рассказ о невероятных приключениях мальчишки, как выясняется, родственника последнего Российского императора. Результаты дальнейших раскопок оказались еще удивительнее. В последние годы профессиональные историки в рамках альтернативной истории опубликовали материалы своих исследований, показывающих, что фамилия по отцу, которую носил автор повести и ее герой, может быть в родстве с пророком Магомедом.

У меня нет ни сил, ни знаний, чтобы серьезно анализировать и критиковать или защищать любое из этих утверждений. Автор повести, как говорят, умер в прошлом году, а все другие ее герои умерли еще раньше. Ко мне она попала случайно, чтобы немного отредактировать и привести в удобочитаемый вид. После знакомства с записками появилось решение, что их надо сохранить без изменения, как памятник культуры СССР 50—60 годов, потому что даже литературные неправильности текста демонстрировали характерные черты разговорной речи ленинградцев того времени.

Вторую часть книги составляют исторические комментарии к событиям, в которых участвуют знаменитые однофамильцы главного героя. События настолько масштабные, что рука не поворачивает писать о них, как о родственниках, несмотря на многочисленные публикации историков. Возможно, существуют документы в поддержку версии о родстве, но, без сомнения, они так же надежно спрятаны, как библиотека Ивана Грозного. Кстати, одна из главных мыслей повести заключается в том, что автор и его родственники всю жизнь были вынуждены крайне старательно скрывать свое происхождение – характерная черта поведения советского обывателя, которая стала формироваться с началом революционного террора в 1917 году.

Не следует рассматривать эту книгу как документальное произведение. Это – правдоподобное сочинение в стиле нон-фикшн, которое для сохранения стиля снабжено ссылками на реальные публикации профессиональных историков.

Интерес к теме основан на том, что история окончания земной жизни последнего Российского императора Николая II и его семьи – одна из наиболее волнующих загадок XX века. Для ее разгадки за прошедшие почти сто лет было проделано множество исследований и анализов, включая самые современные генетические, собрано множество документов и написано

огромное количество статей и книг. Однако, загадка остается неразгаданной. Намек на минимальную цену вопроса имеется далее в тексте, и она такова, что не только простые смертные, но даже посвященные, не относящиеся к избранным, не смогут приблизиться к соответствующим важным документам, а свидетели давно уже ушли в вечный мир.

Все описания последних дней жизни царской семьи во многих случаях воспринимаются с понятным недоверием, включая государственные документы, так как они противоречат друг другу. Тем более считаются выдумкой публикации о жизни детей царя после расстрела. Такую же оценку первым делом получила и рукопись любителя, попавшая случайно мне в руки, который писал о себе как о внуке – наследнике последнего Российского царя. Рукопись пришла из компании людей, злоупотреблявших алкоголем. Это было дополнительной причиной относиться к ней с недоверием.

При более близком знакомстве меня заинтересовали многочисленные точные наблюдения повседневной жизни рядового жителя Ленинграда периода шестидесятых – семидесятых годов двадцатого века а также специфические обороты разговорной речи того периода, которые проникли в текст благодаря отсутствию серьезной профессиональной подготовки у автора. Но, с другой стороны, их можно оценить, как признак мастерства, как детали придающие достоверность описанию. Возникла мысль, что такой текст заслуживает внимания как исходный материал для последующих исследователей повседневной жизни наших современников и по этой причине должен быть сохранен.

Кроме того описанные детали повседневности были настолько точны, разнообразны по характеру и многочисленны, что стало интересно посмотреть, остались ли в истории следы от героев повести, которые были представлены в качестве реально существовавших людей.

Таким образом, фантастическая по формальным признакам повесть превратилась в исследование по альтернативной истории.

Существует множество публикаций, что царская семья на самом деле не была расстреляна, а была скрытно вывезена и спрятана. Более 30 женщин утверждали, что они являются спасшейся Анастасией – младшей дочерью Николая II.

Первоисточником информации о расстреле всей семьи является отчет следователя Соколова. [1] Однако,

А. Саммерс и Т. Мангольд в издании, выпущенном в Лондоне в 1976 г. [2], утверждают, что расстрел был хорошо организованной мистификацией. Аналогичную версию событий опубликовал Ю. И. Сенин. Он приводит текст телеграммы, зачитанной Свердловым на заседании ВЦИК на следующий день после расстрела: «ПОСТАНОВЛЕНИЮ ПРЕЗИДИУМА ОБЛАСТНОГО СОВЕТА В НОЧЬ НА ШЕСТНАДЦАТОЕ ИЮЛЯ РАЗСТРЕЛЯН НИКОЛАИ РОМАНОВ ТОЧКА СЕМЬЯ ЕГО ЕВАКУИРОВАНА В НАДЕЖНОЕ МЕСТО ТОЧКА». [3]

Русская Православная церковь до сих пор не согласна, что выкопанные в Свердловской области и захороненные в Петропавловской крепости останки нескольких человек, являются останками царской семьи. Протокол Правительственной комиссии об исследовании, подтверждающем принадлежность останков царской семье, подписал только Б. Немцов – председатель комиссии. Никто из технических специалистов, членов комиссии это протокол не подписал. Список сомнений можно продолжать еще очень долго. Таким образом, автор повести оказывается далеко не одиноким в ряду, возможно, спасшихся членов царской семьи.

Интригу усиливала почти паническая боязнь автора, что его преследуют органы государственной безопасности, которые, как он говорил, неоднократно предупреждали, чтобы «сидел тихо».

Другая причина – большая часть событий повести происходит в микрорайоне Ленинграда, где прошло мое детство. Мне знакомы упомянутые в ней уголки города. Это не только придает достоверности описанным событиям, повесть приобретает свойства исторического документа о повседневной жизни города и его обитателей. Впечатление усиливает обилие

и высокая точность описания деталей повседневной жизни рядового ленинградца в период 50-х – 60-х годов двадцатого века. Они вообще крайне скудно представлены в научной и художественной литературе, так как интерес к таким деталям противоречил господствовавшим идеологическим установкам и моде рассматривать только крупномасштабные события политической, культурной и научной жизни. Запись личных впечатлений человека, пережившего эти годы, представляет собой неоценимый исторический документ и исходный материал для дальнейших научных исследований.

Повесть была написана непрофессиональным литератором, поэтому ее язык содержит многочисленные погрешности против литературных канонов, но отражает особенности бытового языка и изменения в нем, которые происходили на протяжении всей второй половины двадцатого века. Эти нарушения литературной формы были сохранены, потому что тоже представляют собой памятники культуры, памятник сразу нескольких исторических эпох – факт, не зависящий от правдоподобия рассказанных историй.

Уже было упомянуто, что рукопись пришла ко мне из среды алкоголиков. Эти люди составляли характерную часть общества России как в советские времена, так и во все другие исторические периоды, включая настоящее время. В значительной степени она состоит из людей, имеющих хорошее и даже высшее образование, которые не сумели найти адекватного решения для встретившихся жизненных проблем. Эта прослойка обладает отчетливо выраженной оригинальной культурой, которую, практически, полностью игнорируют современные исследователи. Произведение, родившееся в их среде, представляет интерес как оригинальное культурное явление.

Автор повести называл себя Юрием Булатовым. Рукопись попала мне в руки случайно незадолго до его смерти. По слухам, он умер в конце 2015 года. Правда, в истории этого человека столько невозможных событий, что даже его смерть кажется сомнительной.

Мне дали ее, чтобы отредактировать до удобочитаемого вида, и предоставили право в дальнейшем делать с ней, что заблагорассудится.

Повесть оценивалась как автобиографическая. Не присваивая авторства на нее, мне хочется опубликовать это произведение как след фантастической реальности истории, детали и бытовые подробности которой необходимо сохранить в памяти, чтобы со временем правильно оценить происшедшее и исправить допущенные ошибки.

Судя по намекам, сопровождавшим появление рукописи, маловероятно, что родственники автора при моей жизни соберутся предъявить претензию по поводу покушения на собственность, поэтому продолжаю задуманную работу.

Все, что могу сказать об авторе, опирается на довольно туманные намеки, поэтому отставив достоверность сказанного ни в коем случае не собираюсь. События настолько невероятные, что вызывают сомнения даже имя и фамилия автора повести и ее героев. Считаю, что к ним, в первую очередь, надо относиться, как к вымышленным атрибутам.

На мой взгляд, автор в последние годы был типичным БИЧОМ. Это довольно старая классификация людей, которую молодежь, скорей всего, не знает. БИЧ – сокращение – бывший интересный человек. Эта категория людей не сливается с блатными и ЗЭКаами. Мне она встретилась в начале шестидесятых годов. Отличали этих людей довольно убогая одежда, умное красноречие и алкоголизм. Часто подобные типы можно было обнаружить у пивных ларьков. Поэтому в моей памяти они остались как продукт лагерной машины уродования людей, появившийся после начала реабилитации репрессированных и массовой ликвидации лагерей. Конечно, такая оценка является, строго говоря, ошибочной, потому что калечили и калечат людей и отношения между начальниками и подчиненными на производстве и в институтах и раньше, и теперь. Но от этого становится еще более грустно.

Рассказывали, что сам Юрий Булатов некоторое время работал в качестве модели в Ленинградском доме моделей, а его отец был руководителем этого предприятия. Про отца

Юрий вспоминал, что на его руках умер известный герой Гражданской войны генерал Капель – такие были рассказы. Другие не менее яркие эпизоды из жизни отца описаны в повести, а в приложении – информация о еще более фантастичных связях Российской истории с этой фамилией.

Хотя повесть с самого начала была позиционирована как автобиографическая, описанное в ней настолько невероятно для современного человека и его разума, что автора не следует критиковать за бесконтрольный полет фантазии и нужно оставить ему право на возможный очевидный художественный вымысел.

Третий момент, который придает особый интерес повести – цена вопроса, вокруг которого кипят страсти. О масштабе цены свидетельствует тот факт, что до сих пор документы о расстреле царской семьи находятся в закрытых архивах спецслужб. Знаменитый Брестский мир, заключенный с Германией, который связывают с историей расстрела или исчезновения царской семьи существует в качестве устной договоренности. До сих пор документ, подтверждающий договор о Брестском мире, не обнаружен ни в одном архиве в Европе и России.

О цене вопроса говорит информация, что в западных банках до сих пор хранятся деньги, принадлежащие семье Романовых в объеме два триллиона долларов. Из них половина приходилась на долю младшей дочери царя – Анастасии. Чтобы представить себе такое астрономическое количество денег, посчитал приблизительно, какой они займут объем. Получилось – около 20 тысяч кубометров. Это объем нескольких большегрузных железнодорожных составов.

«России принадлежит один триллион долларов из тех двух триллионов, которые находились в собственности всех 17 членов семьи Романовых», – цитирует «Интерфакс» слова Юрия Дергаусова, председателя совета Межрегионального благотворительного христианского фонда великой княжны Анастасии Романовой. Фонд утверждает, что начал возвращать в Россию деньги, принадлежавшие царской семье и долгое время находившиеся в банках Европы и Америки. Информация была опубликована в 2002 году. [4]

Рис. 1. Королева Великобритании Елизавета II. [5]

Интригу продолжает сообщение известного деятеля в области альтернативных исторических исследований Андрея Тюняева, что 25 февраля 2016 года английская королева Елизавета II тайно посетила Москву

Современные нейробиологи утверждают, что мозг человека пропускает только те новые впечатления, которые согласуются с предыдущими и игнорирует остальные. То есть технология обработки поступающей информации человеческим мозгом кардинально отличается от простого перелистывания картинок. Это обстоятельство указывает, что, художественный

вымысел, недосказанность и заказное трансформирование информации, характерное для литературы и средств массовой информации, включая кино и телевидение, формирует катастрофически искаженную историческую картину.

Рис. 2. Кокушкин мост в наши дни. С него были выброшены в канал Грибоедова бумаги о происхождении Юрия Булатова

Рис. 3. Дом 18 по улице Гражданской в наши дни, в котором Юрий Булатов жил, как он пишет, с приемной матерью.

П

Повесть Юрия Булатова содержит большое количество легко узнаваемых точно указанных деталей повседневного быта и человеческих отношений, забот и проблем рядового гражданина Советского Союза периода ориентировочно 1950 – 1990 годов. Благодаря этому она, без сомнения, может рассматриваться как литературный памятник культуры повседневности того периода, а также служить исходным материалом соответствующих научных исследований. Она показывает, что мировые катаклизмы создают лишь внешнюю оболочку повседневной жизни, не исключая желание поесть – голод, стремление продолжить род и заботу о потомстве, не отменяя моральные и нравственные обязательства.

Ряд дополнительных материалов об исторических личностях – однофамильцах героев помещен в приложения.

Теперь настала очередь повествования Юрия Ивановича Булатова, которое было начато в поезде Ленинград-Адлер 17 июля 1978 г.

Наследник русского престола

Повесть

Пролог

Я на песчаном островке; зеленовато-синие волны с солнечными искрами накатывают на золотистый песок. Лёжа в кроне крупных, мягких, с приятным запахом листьев, наблюдаю за приливом. Дерево единственное на островке и очень необычное: на нем растут всевозможные фрукты. Дерево толстое, с мощными корнями и отпиленной верхушкой. Над головой у меня к стволу прикреплена крупная, красивая морская раковина. В эту раковину, с промежутком во времени, падает по одному большому или по два средних, но не более трех фруктов. При падении фруктов в раковину раздаются ласкающие слух звуки; они оповещают меня, что пора кушать. Со ствола дерева свисает гибкая, полая внутри лиана, по которой течет очень вкусный сок, составляющий весь мой рацион. Мне стоит только изъявить желание поесть, как лиана оказывается у меня во рту и начинает меня кормить. Я даже не меняю положения тела: как лежал на боку, скорчившись и подтянув ноги к животу, а кисти рук зажав между ног, так и продолжаю лежать. Когда наедаюсь, я выплевываю лиану. Море с небольшими, переливающимися всеми цветами радуги волнами тоже послушно мне: стоит только захотеть купаться, как волны мгновенно начинают лизать пальцы моих ног. Вода медленно, незаметно увлажняет весь песчаный островок. Согретый ласковым солнышком, начинаю дремать. Внезапно сильный порыв теплого ветра накатывает на меня большую волну. Волна подхватывает меня и уносит от моего раскидистого дерева с разнообразными фруктами, погруженного в воду почти по самую раковину. Купаться я очень люблю. Когда не ем и не сплю под деревом, тогда купаюсь. Плавать я умею по-разному, но в основном плаваю на спине. Как только я переворачиваюсь на живот и начинаю махать руками, сразу же слышу восклицание: «Ой!» – это говорит моя будущая мать. Мои будущие родители незримо присутствуют здесь. Когда я начинаю нырять и сильно работать ногами, чтобы всплыть на поверхность, то слышу:

– Ванечка! Ванечка, приложи руку – почувствуешь, как он толкается: что-то ему, видимо, не нравится.

– Да не думай ты так, ангел мой! Это он дурачится, радуется жизни...

Часть первая

Отец

Новый, 1941 год. Мне без пяти дней уже год. В двухэтажном, покрытом жестью, с резными наличниками и разросшейся старой сиренью у окна поповском доме, в чистой горенке 2-го этажа стоит у стены моя синенькая кровать с откидной сеткой. А неподалеку от неё, на полу – электрообогреватель на фигурных ножках с блестящим отражателем. Я постоянно смотрю на него, когда он включен, наблюдаю, как медленно нагревается, краснеет спираль и начинает потихоньку идти тепло.

Сегодня Новый год! – все восторженно возбуждены. Я их прекрасно понимаю, способен поддержать любую начатую тему разговора, но не считаю нужным, так как зол на родителей. Решил с ними не разговаривать на протяжении трех, а если смогу выдержать, то и пяти лет. Я только им улыбаюсь, когда у меня хорошее настроение. Или, что чаще, плачу от злости. Тогда они думают, что у меня что-то болит – какая-то часть дурацкого тела, в которое меня насильно запихали. А запихали меня в это тело они, и никто другой. Потому что до встречи с ними у меня этого тела не было. И не было никаких мук, – я был абсолютно свободен! – это высшее благо, но им не понять. Ну да ладно!

Меня сегодня мучают с утра. Все как будто спятили, носятся по дому словно угорелые. Сестра Люда – так та явно ополоумела, начала расчесывать меня своей расческой! А делать этого нельзя: от этого волосы у меня начинают трещать и искриться, и может вспыхнуть пламя. Мои волосы расчесывает мама, и только деревянным гребешком. А Люда вздумала еще прицепить мне на голову бант! Взрослая, пятнадцать лет, а дура дурой.

Елка уже наряжена, на ней много красивых стеклянных игрушек. В маленьких зажимах горят, потрескивают и оплывают свечи. Мне особенно нравятся две игрушки – золотая пучеглазая рыбка с тройным плавником на хвосте и сидящая на сверкающих, присыпанных снегом качелях Снегурочка в нарядной шапке, шубке и валенках. На елке висят завернутые в фольгу орехи, много разных конфет в красивых фантиках. Елка до потолка, а Люда маленького роста – так конфеты и орехи она вешала, не вставая на табурет. – Хитрая! Удобно снимать.

Мама сегодня изрядно меня помучила. Две рубашки – голубенькую и салатного цвета – надевала на меня и застегивала на все пуговицы. Кто не мучил меня в этот день, так это отец. Он подошел к моей кровати, погладил меня по голове и произнес:

– Ну что? Не любишь наряжаться? Я тебя понимаю, но это необходимо. Иначе ты из хилого утенка не превратишься в красавца лебедя.

Подошедшей маме отец сказал, что сшил мне черные брючки с лялочками и белую рубашечку и что сапожник дядя Вася еще вчера принес готовые ботиночки. И попросил маму поискать в ее шкапулке один шнурок – может, где завалился. Если его разрезать, так хватит. При этом почему-то назвал маму кисонькой. «Странно! Мама на нашу кошку Мурку нисколько не похожа».

Вечером меня, намытого, причесанного маминым, не причиняющим мне беспокойства гребешком, одетого в белую рубашечку, черные брючки с лялочками и коричневые ботиночки с белым рантиком, взгромоздили на стул. Я, объевшийся конфет, хотел спать и стал капризничать. Но подошел отец с фотоаппаратом на длинных деревянных ножках и, щелкнув перед моим носом пальцами, сказал: «Наследник Русского престола, очень прошу вас, пожалуйста, не упрямитесь. Позвольте мне – вашему отцу и покорному слуге – сфотографировать вас с вашей сестрой и маман». Отец очень рассмешил меня, но я ему ничего не ответил, так как держу обет молчания. Люда, встав у стула, стоявшего возле елки, взяла меня за руку. Отец на некотором расстоянии от нас установил фотоаппарат и позвал маму. Мама расставляла

на покрытом накрахмаленной белоснежной скатертью столе хрустальные подставки под столовое серебро и протирала амбирные салфетные кольца со своими вензелями.

– Анастасиюшка, ангел мой! Сыну уже год! Пожалуйста, сфотографируйся с детьми. Один только снимок отпечатаю, негатив уничтожу.

– Нет, Ванечка, нет! Я не сделаю этого: риск очень велик. Прости, любимый, и больше никогда не говори об этом. Мне достаточно паспорта, где этими властями вписаны наши дети. Скажи мне, любимый, кто, кроме Господа Бога, может дать мне гарантию, что меня случайно где-нибудь не встретит и не узнает кто-либо из лиц, имевших доступ во дворец? Допустим, меня встретит кто-либо из дворян, – это не самое страшное, так как вряд ли дворянам, уцелевшим в Гражданскую войну, теперь по душе этот бедлам. Но, Ванечка, дворец обслуживало столько простолюдинов! А я, в отличие от сестер и брата, была такая непоседа... Я носилась по всему дворцу, где только меня не находили. В Павловске меня снимала с дерева, куда я, сама не знаю как, забралась, целая пожарная команда. И еще, как на грех, у пруда нашли мои башмачки: я любила бегать босиком. Так в пруду меня искала вся челядь, хотели вызывать водолаза. На дереве просидела очень долго – стыдно было кричать. С мамой стало плохо. Нашла меня собачонка брата... И к тому же мы всей семьей не один раз ездили по городу в открытой карете. Страх! Страх, Ванечка! Он не покидает меня.

– Ну что ж! Пожалуйста, извини. Я больше не буду просить тебя об этом.

Отец тяжело вздохнул, потер виски обеими руками.

– Анастасиюшка, Жар-Птица ты моя ненаглядная, немецкий язык не забываешь?

– Конечно, нет! – ответила мама отцу по-немецки, и они начали разговаривать на этом, тогда полностью понятном мне, языке.

– Ванечка, ходят упорные слухи, что война стучится в двери. Ты совсем недавно вернулся из Петербурга, – мама никогда не произносила слова «Ленинград». – Что говорят? Что думаешь сам?

– Кисонька, коль мы коснулись этой темы, позволь мне чуть позже задать тебе один деликатный вопрос.

– Да, конечно, Ванечка.

– Так вот, войны с Германией, по всей видимости, нам не избежать. Их мы шапками не закидаем. У немцев отличная техника и железная дисциплина, полный порядок с горючим. Москвы им не видать, это однозначно; но повоювать придется основательно, причем на своей территории. Мы победим! Но какой ценой – покажет время, так как, по-моему, война продлится не несколько месяцев, а год, если не два. Анастасиюшка! У Гитлера в армии есть бароны. Это факт. Что, если в тяжкую годину встретишь такого, и он узнает тебя, протянет руку помощи? Ты что же, при любом исходе, как и говорила мне, останешься в России?!

– Ванечка! Из России я теперь никогда и никуда не уеду.

– Ангел мой! Прости, что имел глупость задать тебе этот бестактный вопрос. Видит Бог, другого ответа от тебя не ожидал.

Отец подошел к фотоаппарату, накрыл себе голову черной с коротким блестящим ворсом материей. Слегка согнувшись, некоторое время копошился над фотоаппаратом. Затем, выпрямившись во весь рост, сказал: «Снимаю!» и нажал на что-то.

В глаза ударила ослепительная вспышка...

* * *

Вязьма, осень 1941 года.

Вспыхнул яркий свет и тут же погас. Но я успел увидеть какую-то женщину. Меня начало рвать, из носа, забитого землей, пошла кровь. Затем меня натирали чем-то обжигающим кожу. В ушах стоял непрерывный звон – звон, очень похожий на колокольный. Где-то совсем рядом разговаривали две женщины, но голоса их все время куда-то удалялись. Я напряг слух.

– Так сколько он пролежал в могиле вместе с расстрелянными?!

– Почти шесть часов.

– Свят, свят, свят! Ну что тут скажешь... Господи! Дуня, а чей, ты думаешь, он будет?!

– Я не думаю, Анюта, я знаю.

– Знаешь?

– Да, знаю, это поповский внук. Я видела его на руках у матери, на центральной усадьбе в сельмаге. С ними была еще девочка, подросток. Вероятно, его сестра.

– Дунь! А как его звать-то?

– Узнаем.

– А что ты немцам скажешь, если что?!

– Скажу, что это мой сын, ясно?!

Жена комиссара Беляева В. И., в девичестве Баранова Евдокия Кузьминична. Уроженка Тверской области, Западнодвинского р-на, д. Новая. Год рождения 1904.

Вскоре Евдокия Кузьминична была выдана оккупационным властям, т.к. двое ее несовершеннолетних сыновей, воспитанных в патриотическом духе, из охотничьих ружей обстреляли немецкую продовольственную телегу и ранили фельдфебеля, – что послужило поводом для карательной акции в нескольких близлежащих деревнях Вяземского района Смоленской области. Сыновья Е. К. Беляевой были схвачены и казнены у нее на глазах. Им были вырезаны звезды на теле.

В тот день мои мать и сестра пошли в лес собирать ягоды и по счастливой случайности избежали облавы. Вернувшись и узнав, что я был расстрелян вместе с другими жителями, они ушли из деревни по Волоколамскому шоссе в сторону Москвы...

На следующий день после расстрела мой отец И. Г. Булатов, преодолев линию фронта, добрался до деревни Вадино. Благодаря его вмешательству – поскольку он знал немецкий язык и изъявил готовность сотрудничать с германскими властями – Е. К. Беляева вместе со мной (т.к. она утверждала, что я ее сын) была отправлена в Польшу,

г. Бромберг-Быдгощ, в одно из отделений концлагеря Равенсбрюк. Несмотря на солидную взятку, немецкие власти отдать меня отцу отказались. И я, вместе с Беляевой Е. К., был отправлен в концлагерь, – вследствие чего отец был вынужден в этом же этапном эшелоне проследовать до г. Бромберга.

Документы у отца были в полном порядке. По состоянию здоровья он не был военнообязанным. К тому же, как специалист высшего класса в области легкой промышленности – швейной, – имел «бронь», выданную чиновником из Смольного, которому шил верхнюю одежду. Захватив Империалистическую войну и пройдя сквозь горнило Гражданской войны, отец отлично ориентировался в сложившейся обстановке и сумел проникнуть на территорию, захваченную врагом.

Отец пришел в немецкую комендатуру не с пустыми руками. В противном случае Е. К. Беляеву не отправили бы в концлагерь Равенсбрюк, а повесили бы рядом с несовершеннолетними сыновьями.

Знание немецкого языка очень помогало отцу. Но, в конечном счете, его выручали золотые руки. Художник, модельер мужской и детской верхней одежды, скорняк, закройщик, виртуозный портной, до войны он работал ведущим художником-модельером в ленинградском Доме моделей одежды. Отец считался одним из лучших портных в Ленинграде. Его хотели забрать в Москву – обшивать партийных бонз в Кремле. Сославшись на здоровье, он едва отклонил предложение.

К счастью, комендант г. Бромберга оказался хорошим знакомым отца. Они вместе учились – запаматовал – то ли в частной гимназии, то ли в Константиновском артиллерийском училище (напротив нынешнего Технологического института). Потом отец часто подводил меня к парадному входу в училище и вставал на постамент рядом с пушкой...

Комендант, узнав от отца, что моя бабка – стопроцентная немка с известной даже за пределами Европы фамилией, пожелал стать моим крестным. Отец сначала отказал ему, т.к. протестантская вера, в которую пожелал крестить меня комендант, не устраивала отца. Но все же несколько позже я был крещен в эту веру, и вот почему. В одну из первых бомбежек Берлина, по приказу Сталина, еще задолго до окончания войны, у коменданта погибла вся семья. Полковник, аристократ, рыцарь Железного Креста, ровесник отца, имевший в нескольких городах Германии недвижимость и солидные счета в банках, он благодаря дружеской заботе отца не покончил жизнь самоубийством. Став моим крестным, полковник сделал меня своим наследником.

– Деньги идут к деньгам! – как-то, смеясь, сказал мне отец. – Чадо мое ненаглядное, ты родился в сорочке и с золотой эмалевой ложкой. Но при существующем режиме ты получишь от мертвого осла уши.

* * *

После длинного сырого барака с маленькими, едва пропускавшими свет окнами и двухъярусными деревянными голыми нарами, где я в основном лежал, заботливо укутанный Е. К. Беляевой в большой рваный и кусачий шерстяной платок, прислушиваясь к ворчанию в пустом животе и сглатывая слюну, набегавшую от постоянного чувства голода, – съеденный мною кусок хлеба, густо намазанного повидлом, и выпитый стакан горячего чая мгновенно усыпили меня.

Проснулся я в маленькой, жарко натопленной комнате – рабочем кабинете отца. Он находился в недавно открытом ателье по пошиву и ремонту офицерского обмундирования. В углу стояло высокое, до потолка, трюмо в резной раме. В зеркале отражался массивный письменный стол с такой же резьбой и аналогичным стулом с высокой спинкой. На столе стояла бронзовая лампа с зеленым матерчатым абажуром. А под лампой сидел плюшевый мишка с поднятой лапой. На лапе у мишки висела плетенная из соломки маленькая корзинка, наполненная тоненькими, остро отточенными мелками.

Совсем рядом зарычала собака. Гулко щелкнули каблуки. Раздалось громко и четко: «Хайль Гитлер!» Я вздрогнул. В ярко освещенный кабинет вошел невысокий шуплый генерал в пенсне и черном мундире с бросающейся в глаза повязкой на рукаве. Сразу же за спиной генерала выросли два рослых широкоплечих офицера в таких же черных мундирах.

– Здравствуйте, господин генерал! – на немецком языке, дрогнувшим, каким-то чужим голосом, ссутулившись и склонив голову, сказал отец.

– У меня двадцать минут свободного времени; давай, Иван, примерю мундир.

Отец проворно стянул со стоящего у окна манекена белейшую, без пылинки, простынь. Затем, быстро обернувшись к столу, со стула с высокой резной спинкой молниеносно сдернул такую же стерильную салфетку. Многочисленные блики вспыхнули на дубовых листьях и аккуратно застегнутых пуговицах мундира, на расшитой тулье и кокарде фуражки.

– Мой Бог, да он волшебник! – взяв фуражку со стула и поправив пенсне, сказал генерал. – Человек не может сшить за двое суток нарядный мундир и фуражку. Признайся, Иван, тебе по ночам помогают гномы?! Мастер такого класса есть только у фюрера. Если ты... – тут генерал как-то странно не то кашлянул, не то чихнул. – Я забрал бы тебя в Берлин, но ты русский. И с твоим «Маленьким Муком», Иван, пока еще не все ясно.

Генерал достал из кармана брюк маленькую плоскую баночку и, постучав по ней пальцами, сказал:

– По труду тебе, Иван, будет и вознаграждение.

Жестом подозвал к себе офицеров, с их помощью полностью надел мундир и стал крутиться у трюмо. Он отходил от зеркала и подходил к нему почти вплотную...

Маленькое, из разноцветных лоскутков одеяло уютно облегало меня, а многочисленные обрезки сукна, застланные простынкой, были не хуже перины. Генерал задавал отцу вопросы,

отец в почтительном поклоне отвечал. Похвалив его за знание немецкого языка и приличное произношение, генерал поинтересовался, в каком училище отец учился, так как видит у него офицерскую выправку. Спросил, в каком чине и на каком фронте воевал в Первую мировую войну... Я пытался запомнить весь их интересный разговор, но из темноты ко мне стал приближаться электрообогреватель на фигурных ножках, с медленно краснеющей спиралью...

– Господин генерал! Господин генерал! – откуда-то издали раздался голос отца. – Вы забыли баночку с монпансье.

– Муку, – не оборачиваясь, уже у самых дверей негромко сказал генерал. И, шагнув к порогу, также, не оборачиваясь, спросил: – Что у тебя за глазомер?! Ты сшил мне мундир с одной прикидки, о фуражке вообще не сказал

– Я художник-модельер, господин генерал.

Генерал действительно щедро одарил отца. Он отдал оставшийся от отреза на мундир кусок материи – штучный бостон, изготавливавшийся исключительно для избранных мира сего – королей, – и две почти полные катушки с золотой и серебряной нитью. Прислал коробку с продуктами, где находилась умопомрачительная гастрономическая роскошь – бутылка русской водки, круг копченой колбасы, банка сардин, буханка белого хлеба и шоколадка – но это присказка. А вот сказка-быль:

Е. К. Беляева была переведена из спецбарака в общий и допущена к мытью полов и выносу пищевых отходов из столовой. Ей был выдан пропуск на право с подъема до отбоя находиться вместе со мной в мастерской И. Г. Булатова под полную его ответственность. И самое главное – на мое имя, точнее, фамилию, так как изначально я был наречен родителями именем Николай, было выписано германское метрическое свидетельство, где значилось: «Булатов Николай Иванович, 1940 г. рожд. 5 января. Урожд. Смоленской обл. Вяземского р-на, д. Вадино. Отец Булатов Иван Герасимович, 1895 г. рожд. Мать Булатова Евдокия Кузьминична, 1904 г. рожд.» (Имя Георгий я получил в Ленинграде не позднее 1950 года в Никольском соборе, при крещении в православную веру.) Более того, отец был поставлен на унтер-офицерский паек, и ему было разрешено набирать по своему усмотрению специалистов швейного дела из числа военнопленных. Но в то же время отцом была дана подписка, что в случае сокрытия в мастерской офицеров и коммунистов он будет расстрелян. Нисколько не сомневаясь в неминуемом разгроме фашистской Германии, отец под видом специалистов пошивочного мастерства перевел из разных барачных мастерских трех советских офицеров, выдавших себя за рядовых солдат. Он тайком обучал их швейному мастерству, делил с ними выданный ему по приказу генерала унтер-офицерский паек. Одним из его учеников оказался полковник-чекист по фамилии Сорокин. (Фамилия не вымышленная, я ее хорошо запомнил.) Фамилии двух других офицеров забыл. Знаю, что один из них был майором дивизионной разведки, другой – армейским капитаном. Впоследствии эти офицеры, разысканные чекистом Сорокиным, ходатайствовали в Москве о реабилитации отца. Пробыв несколько месяцев под следствием, отец был реабилитирован и восстановлен на прежнем месте работы в той же должности. Он считал Сорокина одержимым бредовой идеей фанатиком, но по-своему порядочным человеком. К сожалению, дальнейшие события показали, что отец ошибся.

* * *

Документы на право наследства, Железный Крест полковника-коменданта г. Бромберга, а также иконка Николая Чудотворца с вложенной, спрятанной под бархат этой иконки, фотографией Николая II с его собственноручной подписью – «Благословляю дочь Анастасию Николаевну и офицера гвардии И. Г. Булатова. Полковник Николай II» – все это хранилось в нашей семье до 1957 года. Фотография императора, а также его собственноручная подпись была перенята комендантом

г. Бромберга и им лично в Берлине, в Рейхе, передана какому-то генералу. Комендант, по совету отца, хотел передать фотокопию Шелленбергу, но встреча не состоялась. И все же радения коменданта не пропали даром. Переданная полковником фотокопия в Рейхе не минула недремлющего ока Гимmlера, так что мною были съедены мятные леденцы, оставленные Гимmlером «Маленькому Муку», и довелось носить куртку – «москвичку» и кепку из штучного бостона, изготовленного исключительно для сильных – избранных мира сего.

В первой половине октября 1957 года, на моих глазах, моя приемная мать Евдокия Кузьминична выбросила с Кокушкина моста в канал Грибоедова завернутые в пакет именной браунинг отца, Железный Крест полковника – коменданта г. Бромберга, фотографию императора Николая II с его собственноручной подписью, мое германское метрическое свидетельство о рождении, а также документы на право наследства.

Причиной было то, что все перечисленное, за исключением браунинга, было показано мною классной руководительнице – преподавательнице русского языка и литературы Тюленьевой Елизавете Кузьминичне в 257-й школе. (Все имена, а также события в повести не вымышлены.) Произошло это так или примерно так. На уроке литературы речь шла о Декабрьском восстании. Я поднял руку и громко, на весь класс сказал:

– Декабрьское восстание сорвал мой далекий предок командир 14-го Егерского полка – полковник Андрей... Он не вывел в поддержку восставших свой полк, находившийся в Петропавловской крепости. Знаю об этом от отца, он говорил только правду.

В классе поднялся невообразимый шум. Крышки задних парт застучали.

– Во врет, это ж надо!! И не краснеет, лопоухий! – выкрикнул Боря Шварцбрем.

– Он всегда врет, – добавил Коля Федоров.

– А мне сказал, что ему в парикмахерской на ногах ногти бесцветным лаком покрывали, – негромко, залившись краской, сказала Ира Логочева.

– Дети, тише! – встав из-за стола и постучав указкой по спинке стула, сказала Елизавета Кузьминична.

Шум прекратился не сразу. Еще некоторое время раздавались какие-то нелестные реплики в мой адрес, но прозвучал звонок...

– Дети, уроки закончены; все свободны. А ты, Булатов, останься.

Так я привлек к себе повышенное внимание и расположение классной руководительницы Елизаветы Кузьминичны Тюленьевой. Она очень заинтересовалась моим отцом. Я рассказал Елизавете Кузьминичне все, что знал о нем. Не скрыл, что отец собственными глазами видел расстрелянных детей царя. И что у нас есть фотография Николая II «Кровавого».

– Юра, это маловероятно; по всей видимости, у вас дома хранится вырезка с фоторепродукцией из старого журнала, – сказала классная руководительница. И дотошно стала расспрашивать, где, в каком месте, при каких обстоятельствах отец все это видел.

Елизавета Кузьминична постоянно возвращалась к этой теме. Выбрав момент, я стащил у матери ключ от верхнего ящика буфета, где хранились документы. Фотографию Николая II, мое метрическое германское свидетельство, дарственную на наследство коменданта г. Бромберга и его Железный Крест принес в школу. Внимательно просмотрев все, что я принес, Елизавета Кузьминична побледнела, схватилась за сердце и положила под язык таблетку. Немного успокоившись, спросила: показывал ли я кому-нибудь из ребят документы и фотографию царя? Я сказал, что показывал только фашистский крест. Елизавета Кузьминична убедительно попросила меня фотографию и документы никому не показывать и взяла с меня честное слово. Я тогда был настолько далек от всего этого, что даже не удосужился прочитать надпись на фотографии. Об этой надписи, сделанной собственноручно императором Николаем II, я узнал из автобиографии отца. Узнал и вскоре забыл на долгие годы.

* * *

В идеально начищенных офицерских хромовых сапогах, сидя на кушетке и положив ногу на ногу, отец курил в темной прихожей. Делал он это не часто, когда собирался идти в магазин или к хорошим знакомым. На работу в Дом моделей и другие места он надевал обувь по сезону. Сандалеты не признавал, считал их обувью для юга, а не для «Северной Пальмиры», – так он изредка называл Ленинград. Обычно я пользовался таким моментом – взгромоздясь к нему на ноги, просил качать меня и пускать колечки дыма. Как правило, отец выполнял мою просьбу, но при этом постоянно напоминал мне, что я уже большой и ему тяжело.

– Ты всегда просишь меня делать то, что не совсем прилично. Но как тебе откажешь! Ты – это все, что держит меня в этом бардаке. М-да! – немного помолчав, он глубоко затянулся и выпустил несколько небольших колечек одно за другим. Они стали медленно увеличиваться до больших размеров, терять округлую форму, расплзаться в разные стороны и таять в воздухе. С исчезновением последнего колечка я спросил:

– Папа, почему вы с мамой не родили мне сестренку? Или вы уже старые? Она за меня чистила бы клетки птичкам, давила семечки и меняла воду рыбкам.

Отец кашлянул, подавив усмешку.

– Ну, ты даешь, чадо! Вот они, зримые и полновесные плоды стремительного прогресса двадцатого века. Сыночек! Не родили мы тебе сестренку потому, что она у тебя есть! – с трудом скрывая волнение, сказал Иван Герасимович. Пришло время, надо было говорить сыну правду – а правда была страшной. До совершеннолетия сына, это в лучшем случае, всю правду сказать было нельзя. И отец мысленно обратился к Господу – попросил Творца вложить в его уста нужные простые, понятные ребенку слова.

«Есть сестра!» У меня первый раз в жизни кольнуло в сердце от неожиданности и неопи-сваемой радости. Я чуть не свалился с ног отца. Ухватившись обеими руками за голенище сапога, сбалансировал и, едва ворочая языком в почему-то сразу пересохшем горле, спросил:

– Как зовут мою сестру? Где она живет? Сколько ей лет?

– Сестру твою, Юрочка, зовут Люда, она значительно старше тебя – уже невеста. Живет в Москве. Твоя сестра Люда очень красивая. В детстве ее иначе как Белокурым ангелом не называли. И вот итог! – отец, не докурив папиросу, бросил ее в пепельницу и прикурил следующую «казбекину». – Моя дочь, твоя сестра, села за «прялку» – поступила в театральный институт.

– Папа, это такие красивые тетеньки, которые снимаются в кино? – уточнил я.

– Да, сыночек, да! Это именно такие тетеньки. Таких тетенок два столетия тому назад не хоронили с добропорядочными прихожанами на одном кладбище.

При упоминании о кладбище мне стало страшно. Я не стал расспрашивать отца, почему их не хоронили на одном кладбище. Я ужасно боялся смерти.

– И во всем, Юрочка, – часто затягиваясь папиросой и не выпуская больше колечек, продолжил отец, – виноват ансамбль Локтева, куда занесло ее после войны.

– Папа, почему Люда не приедет к нам? У нее что, нет денег за билет на поезд? Если нет, то мама говорила, что она скоро выиграет на работе в столовой деньги в «черной кассе». Вот вы их и пошлите моей сестре Люде. А если ты не хочешь посылать деньги, папа, то дай мне слово, что мы поедем к ней в Москву летом, когда у тебя будет отпуск.

– Юрочка, я не могу дать тебе слово, что мы поедем к Люде в Москву летом. И дело не в деньгах, они есть у меня и у дочери – твоей сестры Люды.

– Папа, так почему тогда мы не можем поехать к Люде в таком вагоне поезда, где никого нет, кроме нас, где мягкие сиденья, а на столе прикрученная лампочка с желтым абажуром и кнопкой внизу? И где проводница приносит чай в тяжелых, как у тебя, подстаканниках и два кусочка два быстро тающих кусочка сахара в красивых пачечках?!

– Юрочка... Как тебе все объяснить, даже не знаю. Ну да ладно. Не сомневаюсь, Господь мне поможет и ты поймешь. Дорогой мой человек! Ты смысленый. Видишь ли, Юра, дело

в том, что я не чужд мистики. Это значит, что я так же, как и ты, верю во всякие чудеса – в злых и добрых волшебников. Сейчас, сынок, пришло такое время, когда взрослые люди, в большинстве своем, не верят в чудеса. Я же, как уже тебе говорил, всю свою жизнь верил в них и продолжаю верить. Если ты помнишь, я часто читал тебе сказку про Жар-Птицу. В той сказке Иванушка-дурачок эту птицу поймал.

– Помню, папа! Хорошо помню эту сказку – «Конек-Горбунок».

– Да, именно так она называется. Юра! Я – третий, младший сын у своих родителей. И имя мое Иван. Считать меня дураком, вероятно, нельзя, так как гимназию и юнкерское училище я заканчивал чуть ли не на «отлично». Но мне, как и Иванушке-дурачку из сказки, выпало в жизни такое же счастье. Мне повезло, как никому из миллионов людей. Я, Юрочка, поймал Жар-Птицу. Хотел посадить ее в клетку, а она возьми и обратись в мою жену Анастасию Николаевну, родившую тебе сестренку Люду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.